

Вербовые котики.

Воскресенье, накануне Пасхи в Украине его просто называют Вербная. Пожилая учительница Ольга Александровна торопилась в храм. Она часто ходила сюда и накануне Светлого Христова Воскресенья всегда исповедывалась, причащалась и святила вербовые ветки, храня их у себя дома целый год. Женщина всегда с радостью шла в церковь, но в этот раз настроение её было омрачено. Веточек не удалось найти, вечером на рынке их уже не продавали, а идти за ними на ставок на другой конец маленького городка, больные ноги не дали. У самых ворот Ольга Александровна увидела свою бывшую ученицу, державшую в руках целую кипу желанных прутиков. «Почем? – спросила учительница. Да ни почем, - улыбнулась девчушка, – я их так всем дарю.» Она протянула женщине 3 роскошных стебля, да не простых с зелеными листиками, а с настоящими серыми пушистыми котиками, которые в это время были уже редкостью. От умиления Ольга Александровна даже прикоснулась губами к бархатным почкам, сладко пахнущих весной, свежестью и как ей показалась, самой юностью, ведь такие веточки, она видела только в молодости и больше почему-то они ей не попадались.

Ольга Александровна была старой вдовой, детей ей бог не дал, жила она в однокомнатной квартире и работала в школе. Будучи глубоко верующим человеком, учительница и Великий пост выдерживала строго. Возвратясь домой после службы, она поставила освященные веточки в высокую хрустальную вазу. Пообедав борщом с грибами да рыбой, в Вербную её есть позволялось, вышла на балкон. Внизу у мусорного контейнера ковырялся мальчик, вороша палкой зловонные пакеты, он выбирал из них пластиковые и стеклянные бутылки. На вид ему не более 10-12 лет, расклеянные кроссовки, затасканный свитерок, до нельзя заросшая белобрысая голова говорили о том, что это был типичный бомжонок. Найдя недопитую бутылку колы, он открыл пробку, понюхал и решив, видимо, что напиток пригоден ещё к употреблению, с жадностью стал его пить. У женщины сжалось сердце: «Голодный, небось, как собачененок, а я то вон, как сытно наелась.» Збежав вниз, Ольга Александровна, как можно мягче спросила у мальчика: «Зайчик, есть хочешь?» Он недоуменно посмотрел на неё и твёрдо отрезал: «Нет.» «А бутылки зачем собираешь, на сигареты или на водку?» Такой вопрос бомжонку явно не понравился и он обиженно ответил: «На хлеб собираю.» В серых глазах мальчика женщина не видела присущей для бомжей озлобленности и ненависти к порядочным людям это ещё больше растеребило ей душу. Она ласково проговорила: «Милый, сегодня Вербное воскресенье и я просто приглашаю тебя в гости, – и строго добавила, – Отказываться не честно.» Такое неожиданное предложение странной тётки обескуражило маленького бомжа и он согласился.

Поднимаясь вверх, они познакомились. «Тебя как зовут? – Толик- Ой какое милое имя, а я тётя Оля, входи и нисколько не стесняйся, ты мой гость.» Квартира Ольги Александровны всё же сильно смутила мальчика. Он недоумевал – куда среди такой безукаризненной чистоты можно приткнуть свой грязный пакет с бутылками, который он не забыл прихватить с собой, по опыту зная, что у помойки его украдут другие бомжы. Хозяйка всё поняла и просто проговорила: «Да поставь его здесь у порога, ничего с моим ковриком не случится.» Толик разулся, сняв облезшие кроссовки и обнажил свои серые от грязи, совсем еще детские ноги. «А где можно руки помыть?» Женщина провела его в ванную и поймала себя на приятной мысли: «Нет, это не дикий бомжонок, привычки воспитанного ребёнка у него сохранились, значит кто-то старался привить их ему.» Женщина налила полную тарелку борща, нарезала хлеба и села рядом, стараясь не смотреть, как жадно её гость хлебает горячий борщ, не боясь обжечься. На неумытом лице мальчика было одно единственное выражение, ой, как же вкусно! От этого выражения у Ольги Александровны душа переворачивалась. Мальчик быстро опустошил тарелку, хозяйка предложила: «Ещё?» Он хотел отказаться, но запах вкусной варёной пищи, которую он так давно ел, кружил ему голову и Толик по мимо своей воли выдохнул: «

Угу.» Жареную рыбу он ел более спокойно, тщательно обсасывая каждую косточку. От чая с лимоном мальчик совсем расслабился и с детской непосредственностью восторженно протянул: « Вот это я нахавался. - и спохватившись, добавил- спасибо вам, тетя Оля.» « А с кем же ты живёшь, деточка?» От этого вопроса мальчик неожиданно сжался и твердо произнёс: « Сам.» Ольга Александровна не могла понять, почему её вопрос, вызвал такую резкую перемену настроения мальчика. Недоумённо дёрнув плечами, она предложила: « Может ты умоешься?» Он согласно кивнул. Хозяйка пошла в другую комнату за полотенцем и вернувшись, увидела, что два кусочка рыбы, остававшиеся на тарелке, исчезли. Сделав вид, что ничего не заметила, она решила, что мальчик всё же не наелся и почти попросила: « Приходи ко мне ещё, вечерами я всегда дома.» Толика всегда оскорбляла наиграная доброта расфуфыренных тёток, подающих ему деньги, которых он никогда не брал, но в этой женщине он почувствовал неподдельную душевную щедрость, от которой давно уже отвык. Ещё ему нравилось, что она не лезет к нему в душу и не достаёт вопросами, на которые ему не хочется отвечать. Теперь уже без всякого колебания бомжонок произнёс: « Я приду к вам, тетя Оля» и схватив свой пакет, побежал вниз. Ни в понедельник, ни во вторник Толик не явился. Ольга Александровна уже стала думать, что он не придёт вовсе, эта мрачная мысль грызла тоской её одинокую душу. В среду учительница случайно столкнулась с мальчиком на улице. Он тащил огромный мешок с пластиковыми бутылками. Ноша, может, и не была тяжёлой, но размер её почти превышал самого мальчика «Муравьишка мой маленький, - с мягкой укоризной проговорила женщина – что же не приходишь, ведь обещал?» Открыто улыбаясь, он ответил: « Вот сейчас подавлю эти бутылки, сдам их и приду, честное слово. « Действительно, через несколько часов, бомжонок снова переступил порог гостепреимной квартиры. На сей раз он меньше стеснялся и чувствовал себя свободнее. Мальчик с большим аппетитом поел и увидев в комнате хозяйки обилие икон, с неподдельным любопытством спросил: « А вы, что боговерущая?» « Да» - улыбнулась Ольга Александровна и усадив мальчика на диван, стала рассказывать ему о православной вере, о боге и о том, что он помогает всем, кто в него искренно верит. Положив руки на колени, Толик сидел не шилохнувшись глядя на рассказчицу, раскрывавшую неизвестный ему мир, мальчик задумчиво произнёс: « Моя бабушка, когда живая была тоже ходила в церковь и меня там крестила, у меня даже крестик был, да я потерял его, верёвочка на нём порвалась.» У женщины чуть было снова не сорвался с языка вопрос о том, с кем же он живёт, но во время осеклась, боясь разорвать тонюсенькую ниточку, которая протянулась сейчас от её души к душе Толика. Темнота за окном заставила гостя вернуться в суровую реальность, он тяжело вздохнул и стал собираться уходить. Ольга Александровна на минутку остановила его: « Завтра « чистый» четверг, может выкупаешься у меня, ведь в воскресенье Пасха, а в этот праздник все должны быть чистыми и аккуратными.» Утром учительница зашла в магазин и купила футболку, свитерок, брючки и кроссовки из натуральной кожи, чтобы ножки не так потели. Знакомая продавщица подумала: « И на фига ей эти вещи, бездетная же.»

Толик не обманул и пришел снова,, сытно поев, он отправился в ванную. Хозяйка протянула ему обновки. При виде красивых вещей, глаза мальчика радостно вспыхнули и тут же погасли « Шмоток я не возьму» - заявил он. На сей раз настойчивость проявила Ольга Александровна: « Подумай, разве может нормальный человек после купания, опять надеть грязное? Вещи твои я выстираю и отдам.» Такие доводы Толик не стал оспаривать и взял подарки. В ванной мальчик пробыл долго, не купался, а наслаждался горячей водой и мылом. Сквозь шум и хлюпанье, доносилось его довольное фырканье. Услышав произвольно вырвавшееся восторженное: « Вот это балдёж!», учительница улыбнулась: « Наверное, в ванну лёг.» Она уже и чай сделала, и стол накрыла, даже к завтрашним урокам приговилась, а он всё плескался. Наконец дверь распахнулась и из пара, пропитанного ароматом шампуня, выплыл Толик. Раскрасневшийся, в новенькой одежде, он держал в

руках свои выстиранные обноски и спросил смущаясь: «Куда повесить?» Ольга Александровна всплеснула руками: «Да я бы всё сделала!», на что мальчик с достоинством отрезал: «Сам что-ли не могу?» Сели пить чай с халвой и финиками. Хозяйка поставила перед гостем нероспечатанный стакан сметаны: «Ешь, тебе можно, это я пощусь.» «Не хочу, я уже наелся.» Она смотрела на него и чувствовала, как душа наполняется сладким теплом: «Господи, какой же он хорошенький, промытый-то и волосы, оказывается, вьются, вон какими золотистыми кудряшками легли от чистоты.» Заметила женщина, что и Толик поглядывает на себя в зеркало и украдкой любит новый наряд. В гостиной, глядя на горящую перед образами, лампадку мальчик неожиданно спросил: «Тётя Оля, вы говорили, что бог помогает всем, а он может помочь тем, кто пьёт водку, ну значит вылечить их?» Вопрос немного ошеломил учительницу: «Конечно, мой хороший, он помогает всем, кто этого просит. Ещё есть святой, его зовут Святым Вонифатием, именно он просит Господа исцелить болящих алкоголизмом. А почему ты об этом спрашиваешь?» «Да так, просто» - уклончиво ответил мальчик, думая о чем-то. Проводив гостя, хозяйка вернулась на кухню, прибрать посуду, сметаны на столе не было. Такое воровство её не разозлило и даже не обидело, подумаешь, пустяк, боится голода и старается чем-то запастись.

Они снова встретились в субботу утром. Несмотря на ранний час, Толик уже где-то набрал здоровенный ящик макулатуры и с трудом тащил его на приёмный пункт. «Да брось ты этот хлам» - рассердилась Ольга Александровна и протянула мальчику 20-гривенную бумажку. Толик с явной уже обидой проговорил: «Тётя Оля, деньги я и сам могу заработать.» «Вот дура – раздосадовалась на саму себя женщина – ведь знаю, что не возьмёт, а всё равно лезу.» Кладя деньги назад в кошелек, она спросила: «Пойдёшь со мной завтра в церковь, пасхи святить?» «Да» - с видимым удовольствием ответил мальчик. «Потом ко мне, вместе праздник отметим.» и на это он охотно согласился. Ольга Александровна давно уже не пекла пасхальных куличей, зачем одинокой женщине с ними возиться, парочку и купить можно. Сейчас учительнице захотелось, чтобы в её квартире сладко пахло настоящим праздником, запахом ванилина и душистого зобного теста, ведь завтра у неё будет гость.

Пасочки удались, аккуратные, с белоснежной сахарной верхушкой, украшенной разноцветными присыпками, ну прямо такие, как пекла когда-то мама. Собирая корзинку, хозяйка с улыбкой задумалась: «Какую же пасочку для Толика выбрать? Вот эту самую румяную, да и изюма в ней больше всего.»

Утро выдалось ветренное и холодное. У церкви Толика не было. «Замёрзну, пока дождусь» - подумала учительница, но он замёрзнуть ей не дал, через минуту, как из под земли вырос: А я вас тут за углом жду, возле ворот не стал стоять, а то подумают, что побирушка.» Ольга Александровна дала ему пакет с предназначенной для него пасхой и крашенными яйцами: «Это сам посвятишь.» Мальчик немного помялся и опустив глаза, попросил: «А можно ещё одну?» Недоумённо дёрнув плечами, она кивнула на свою корзинку: «Да выбирай, какую хочешь, дома я тебе их ещё дам.» Он взял небольшой кулич и бережно положил его в пакет. У входа в церковь, мальчик, глядя на свою спутницу, тоже перекрестился, неумело, правда, но всё же сделал так, как положено всем, переступающим порог храма. Посвятили быстро, но Толик почему-то уходить не спешил. Он потянул Ольгу Александровну за рукав и взволновано прошептал, указывая на иконостас: «Тётя Оля, покажите этого, ну который пьяниц лечит.» Женщина указала ему на образ Святого Вонифатия. Мальчик купил самую дорогую, за 2 гривны, свечку и подойдя к иконе, на несколько мгновений, замер. Словно пригвождённая к своему месту, Ольга Александровна не сводила с Толика глаз и с тоской думала: «Деточка моя, и о ком же ты молишься?» Поставив свечу, мальчик вернулся к женщине. В широко раскрытых глазах его застыла непонятная ей боль. Горячей рукой Ольга Александровна сжала руку

Толика. Несмотря на тепло в церкви, маленькая ладонь была ледяной и тихонько подрагивала.

Домой можно было идти двумя дорогами: короткой по извилистой неровной тропинке мимо частного сектора и более длинной, зато по ровному тротуару, пролётшему вдоль старых пятиэтажек. Толик повернул на тропинку, Ольга Александровна возразила: «Пойдём по асфальту, не хочу по кочкам спотыкаться, ноги болят.» Согласившись с явной неохотой, мальчик как-то напрягся. Он шол молча, не по-детски понуро опутив голову. Стараясь развеять какие-то мрачные его мысли, женщина принялась рассказывать своему маленькому спутнику о вкусных блюдах, приготовленных нею и, которые они сейчас уже будут есть вместе. Путь их лежал мимо местной распивочной, с шико названной баром, а в народе именуемой «слюнявкой». У неё собралась целая толпа колдырей, успевших уже похмелиться, благо, что повод для этого был совсем пристойный, ведь сегодня –же Пасха. Ольга Александровна хотела возмутиться этим, повернулась к Толику, а его рядом нет, исчез, оглянулась туда сюда, не видно хотела даже крикнуть, но не стала, успокаивая себя мыслью: « Может ему по своей надобности отлучиться надо, а я орать стану, прибежит.» Дальше пошла одна, надеясь, что вот-вот услышит сзади шажки Толика, догоняющего её. У слюнявки среди толпы поддатых мужиков крутилась одна единственная женщина, возраст которой трудно определить. Серое поблекшее лицо, обвисшие мешки под глазами, нечёсанные волосы, кое-как стянутые в хвост вытянутой резинкой – всё говорило о том, что это была типичная алкоголичка. И одета совсем не по погоде: в лёгкой, помятой, давно вышедшей из моды блузке, в выгоревшей, когда-то ярко синей юбке и в стоптанных домашних тапочках, на босу ногу. Нарочно опуская и без того низкий вырез, блузки, она зачем-то приставала к каждому мужику, но они только посмеивались и уже обвисшие её прелести их сейчас не интересовали. Увидев учительницу, пьянчужка опрометью кинулась к ней и гнусавым, каким-то мяукающим голосом промямлила: « Бабуль, дай хоть ты разговеться.» Ольга Александровна протянула ей 2 крашенных яйца, что вызвало досаду на её лице. « Да не еда мне нужна, а всего пару гривень на 100 грамм – она уже не просила, а заискивающе глядя в глаза, молила – ну дай, ради праздничка святого, хочешь, я на колени перед тобой стану.» Весь её облик сейчас выражал сплошное страдание, руки тряслись, бледные губы дрожали, а в слезящихся глазах было одно желание- желание выпить во, чтобы- то не стало. Учительница поняла, что эта несчастная женщина, спившаяся до потери всякого человеческого достоинства, действительно может брякнуться на колени и даже поползёт за ней, до тех пор, пока не получит денег на похмелку. Испугавшись этого, Ольга Александровна выхватила 5 грн. И выдохнула: « Возьми.» Просящая выдернула желанную купюру и даже не сказав спасибо, скрылась за дверью распивочной. « Надо же, так опусттиться- подумала учительница об этом жалком создании, которое сейчас, наверное, уже жадно хлебает свой вожденный напиток, а ведь чьято дочь или даже мама, ну, да Господь с ней.. Толик вот мой где? Может возле дома дожидается.»

У подъезда никого, кроме соседок на лавочке. Они громко поздоровались: « Христос Воскрес!», Ольга Александровна приветливо ответила, но останавливаться возле них не стала, пошла домой. За спиной раздалось приглушённое шушуканье, из которого разобрала одно только слово- бомжонка. Ясно, о чем судачат, ну и пусть, а я его жалела и жалеть буду. Вошла в свою пустую квартиру, без всякого удовольствия перекусила, даже лакомый кусок в горло не лез сейчас, уж сильно ей хотелось отметить Великий праздник вместе с Толиком, да вот не выходит. Прилегла и немного задремав, вскочила, кажется звонят в дверь, прислушалась, нет, это трамвай на перекрёстке трезвонит. Вышла на балкони, как неделю назад взглянула на мусорник, сегодня там никого. Народ уже песни горланит. На улице тепло и солнечно. В воздухе сладко пахнет распускающимися почками, а на душе тоска и мрак, хоть волком вой Раздасадывалась на саму себя: « Да чего я так к

нему привязалась, может бабки правы, ведь бомжонок всётаки, и от этого никуда не деться, вкусно пару раз поел, да и слинял, говорят, у бомжей совсем другие законы и они умеют быть отзывчивыми и благодарными.» Не включая телевизор, просидела долго, уже и смеркаться стало, тут в дверь позвонили. Вскочила, как ошпаренная, была твёрдо уверена- это он, ведь никто не мог придти к ней больше, она просто никому не нужна сейчас. Не спрашивая кто, распахнула двери, на пороге, действительно, он её Толик! зайдя в прихожую, тяжело вздохнув, он виновато произнёс: « Теть Оль, не обижайтесь, что я убежал утром, мне так надо было.» « Да ладно, чепуха – улыбнулась хозяйка- я боялась, что вообще не придёшь.» « Ну нет , так не честно – почти обижено, протянул мальчик – ведь я же знаю, что вы меня ждёте.» От этих слов женщине стало мучительно стыдно за свои недавние мерзкие мысли о нём. Она прижала Толика к себе и чуть не плача, прошептала: « Конечно, мой дорогой, очень жду.» Он осторожно высвободился из её рук и достав из кармана крохотный, чуть помятый букет фиалок, торжественно произнёс: « Это вам.» У неё даже голова закружилась, толи от благоухания цветов, толи от умиления трогательным подарком. Накрывая стол, зажигая свечи, Ольга Александровна щебетала без умолку, счастливая, как ребёнок. Мальчик, как всегда больше молчал, но она чувствовала, что ему тоже очень хорошо и спокойно с ней. Когда совсем уже стемнело, учительница предложила переночевать у неё, но гость снова отказался. Стараясь избежать неловкого для обоих, положения, зная, что он всеравно что-нибудь стянет со стола, она завернула Толику целый пакет продуктов, небрежно сказав: « На, потом поешь.» Он молча взял гостинцы и посмотрел так, что у той сердце дрогнуло. Во взгляде его было столько несказанно- глубокой благодарности, что Ольга Александровна поклялась себе, никогда не думать о Толике, как о никчемном , порочном бомже.

Их, непонятные для окружающих отношения, с каждым днём становились всё крепче. Кто знает, как правильнее их назвать- и не дружба, и не любовь, а скорее глубокая взаимная привязанность, порождённая тяжёлым одиночеством того и другого. Толик уже без приглашения часто приходил к этой пожилой женщине, его тянуло к ней и для Ольги Александровны, не видеть мальчика день или два, становилось настоящей мукой. Она чувствовала, что этот чужой ребёнок постепенно стаёт её смыслом жизни. Одно постоянно грызло учительницу: нерозгаданная великая тайна, которую Толик тчательно скрывает от неё, но всёже твёрдо знала: рано или поздно, она откроется.

Настало лето, а вместе с ним и отпуск. От путёвки в санаторий Ольга Александровна отказалась, не хотела надолго разлучаться с Толиком. В эту ночь ей не спалось, переворачивалась с боку на бок, обдумывая, как-бы определить Толика в школу, ведь он умный и способный мальчик и как все нормальные дети, должен учиться. По пустынной улице проторохтел дежурный трамвай, значит, уже пол второго ночи, а сна всё нет и на душе как-то тяжко. Полежала ещё и зыбкая дремота стала овладевать ею. Раздался звонок в дверь, короткий, нерешительный. Думала показалось, да нет, снова звонок, длинный и настойчивый. Набросила халат и к двери: « Кто там?» С той стороны раздалась совершенно непонятные звуки, напоминавшие чьё-то иканье. Не задумываясь, открыла дверь и на слабо освещенной площадке увидела Толика. Босиком, в одних трусиках, он дрожал и непрерывно всхлипывал. Схватив, Ольга Александровна почти внесла его в квартиру и спросила: « Детонька моя, что случилось?» Заикаясь, стуча зубами, мальчик едва выдавил из себя: « Тётя Оля, она умерла.» От неожиданности, хозяйка отступила шаг назад и снова кинулась к Толику: « Кто умер?» « Мама моя» - простонал он. « Мама? У тебя есть мама?» « Была – со страшной горечью, проговорил он – а теперь уже нет.» От таких слов Ольгу Александровну само начало трясти, на миг замолчав, она ошеломлённо глядела на мальчика. Он стоял прижавшись к двери спиной и, казалось, сейчас сползёт по холодному железу на пол. Она притянула его к себе, ребёнок, впервые за время их знакомства, уткнулся личиком ей в грудь и жалобно заскулил: « Я боюсь, пойдёте ко мне

домой, она там лежит.» Она дала ему свои тапочки, набросила на худенькие его плечики кофту и они пошли.

Толик повёл женщину по таким закоулкам, где она и днём заблудилась бы, но он шагал уверенно и быстро. Дошли до полуразрушенного флигеля, почти сарая, который мальчик называл своим домом. Мальчик толкнул дверь и они оказались в сырой, пропитанной табачным перегаром, лачуге, состоявшей из двух комнатушек. В первой, видимо служившей когда-то кухней, стояла развалившаяся печка, в холод явно не горевшая, поскольку ни железной плиты, ни дверцы, ни даже поддувала в ней не было. Толик легонько подтолкнул вошедшую в другую комнату и счёлкнул выключателем, свет у них ещё был. Ольга Александровна остолбенела от ужаса. На грязной больничной кушетке, служившей кроватью, скорчившись, лежала мёртвая женщина, та самая, которой Ольга Александровна дала 5 грн. На Пасху у слюнявки. Бледное худое лицо её покрыли тёмно-бурые пятна. Перед смертью её, наверное, сильно мучили дикие боли, она сжимала руками живот, да так, умерев и застыла. Толик к постели не подходил, только с душераздирающим стоном, прошептал: «Мама, мамочка.» Так вот какой страшной оказалась разгадка его тайны, вот для кого он таскал еду у Ольги Александровны и кого, стыдясь, старался спрятать от неё. От умершей исходил острый запах толи спирта, толи ацетона, толи ещё какой дурманящей дряни. На засмальцованной клеёнке стола, стояла пластикавая бутылка с мутной жидкостью и один разовый стаканчик. Совершенно ясно было, что мама Толика умерла от этого смертоносного напитка.

Выйдя из оцепенения, пожилая женщина взяла себя в руки и сделала то, что полагается в таких случаях, вызвала милицию. Стражи порядка не заставили себя долго ждать, приехали быстро и составили протокол. Молоденький опер подошел к забившемуся в угол мальчику, и участливо спросил: «Что, мамка водку пила?» «Да» - сухо ответил тот. «А где брала пойло?» «Не знаю.» Труп положили на носилки, покрыли синей материей и прихватив бутылку для экспертизы, собрались уезжать. Опер постарше спросил у мальчика: «Родственники есть у вас?» Он отрицательно покачал головой. Милиционер обратился к Ольге Александровне: «После заключения сумедэксперта, хотя и без него ясно, что это типичное алкогольное отравление, похоронит её город, как бомжа.» Эти слова, словно ударили Толика, он отскочил от стены и со слезами горькой обиды, крикнул: «Моя мама не бомж, сами вы бомжи!» Даже выдавшие виды мужики растерялись, сын и сейчас продолжал защищать свою мать, скончавшуюся от безудержного пьянства. Ольга Александровна, не переставая изумляться Толиком, твёрдо сказала: «Я заберу её из морга и похороню, как положено.» «Нет проблем – согласились опера – это ваше личное дело.»

Женщина привела несчастного мальчика к себе домой, напоили его валерьянкой, горячим чаем, сама напилась. Когда Толик немного успокоился, Ольга Александровна усадила его на диван и села тихо говорить: «Послушай меня, по закону, тебя сейчас нужно оформить в интернат, но я не добущу этого, ты теперь моё дитя и я стану твоим опекуном, а после смерти и квартиру тебе оставлю, конечно, если ты с этим согласен.» Совсем, как взрослый, мальчик уверенно произнёс: «Согласен, ведь я теперь совсем один и кроме вас у меня нет никого, только вот – он замялся, не зная, как продолжить свою мысль. «Что только?» - мягко поинтересовалась она. Толик снова безутешно заплакал и сквозь слёзы проговорил: «Тётя Оля, вы очень добрая и хорошая, только пообещайте мне, что никогда не будете не заставлять, не просить называть вас мамой, моя мама умерла!» Она сама разрыдалась, крепко прижала его к себе и целуя влажный лобик, выдохнула: «Обещаю.»

Галина Пономарёва.